

Е.А. Ермолин

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Автор развивает персоналистский подход в образовании как методологический базис личностно-ориентированной педагогики. Статья определяет и мотивирует духовно-творческими причинами личностные приоритеты при изучении истории русской культуры, дифференцирует аспекты освоения этой темы в русле «экзистенциальной культурологии».

Русская культура, персонализм, личность, культурный идеал, образовательная парадигма.

При изучении истории культуры в образовательном процессе, в школе и вузе возникает ряд методологических проблем, связанных с недостаточной концептуальной артикулированностью представлений о человеке (об антропологическом факторе культуры), с прикладной и технологической интерпретацией человеческой значимости в историко-культурном процессе. Определенное число проблем позволяет решить персоналистский подход к изучению истории культуры и к ее пониманию в целом. По логике такого подхода одним из основных акцентов при изучении истории культуры является именно антропологический акцент, причем в личностном преломлении и заострении.

Представляется, что при изучении личностно мотивированных в своих религиозных корнях и их гуманистических проекциях («последствиях») культур Запада этот подход максимально адекватен предмету. В России же он особенно важен еще и потому, что не институты, а личные инициативы чаще всего и становятся предпосылкой культурного творчества. Парадокс русской культуры состоит в том, что она в высших своих выражениях существует как плод экстраординарных личностных усилий, свершается на вершинах личного духа – но нередко берет у своих создателей высокую плату за их культуротворческий риск. Истребление творческой личности – закон русской истории, знающий не так уж много исключений. Но приоритет христианско-гуманистических ценностей, характерный для нашей культуры, снова и снова пробуждал русского человека к личностному бытию. Уничтоженная, растоптанная, сгоревшая на кострах эпохи личность (дурак, герой, интеллигент) возрождалась, как Феникс из пепла.

Личностный акцент при изучении истории культуры в образовательном процессе проявляется и должен быть осмыслен двояко.

Во-первых, этот акцент суть фиксированная позиция «наблюдателя»: того, кто изучает историю культуры. Она не может быть нейтральной, всецело свободной от личностной заинтересованности. Постигание культуры заставляет нашего современника искать

личный смысл артефактов, глубинные связи культурного явления с миром его души. В ходе такого образовательного процесса факт культуры, по наблюдению культуролога Г.Д. Гачева, «перестает быть “данным”, но становится и произведенным (“фактом”-актом), сотворенным моей душой в контексте проблем моей жизни <...> Так возделывается экзистенциальная культурология. В ней переплетены трактат и исповедь, понятие и образ» [3, с. 61]. Изучение истории русской культуры сопровождается становлением личности учащегося. Причем такое становление, думается, может быть тем более успешным и полноценным, чем ярче заявлен личностный аспект в образовательном процессе, чем острее и тоньше ставится педагогом вопрос о личности в истории, об уроках человеческой судьбы. Первостепенное значение личности в педагогическом процессе мотивирует важность обращения к антропологическому измерению истории культуры при изучении последней.

Во-вторых, осмысление культуры в образовательной парадигме требует концентрации бэкграунда, сведения культурного разнообразия эпох и культур в единый фокус. Таким фокусом, по логике заявляемого подхода, является человек как субъект культуры, ее творец. Человек – единственное в природе несамодостаточное (по Арнольду Гелену – «незавершенное», «неопределившееся») существо. Свойством его бытия является интенциональность, постоянное стремление выйти «за себя», вовне. Человек, по словам Жака Маритена, «обладает прогрессирующей природой» [10, с. 165]. Эта позиция требует внимания к жизни человека, к личностной инициативе и ее продуктам, понимания личностных импульсов в истории культуры, их точного истолкования, берущего в расчет уникальность человеческого самовыявления «здесь и теперь».

Нельзя считать, что культура есть по происхождению или по факту нечто органически присущее человеку, наподобие физиологической функции. Представляется, что, напротив, культура – это преодоление человеком начальных элементарных заданностей существования. Она оказывается необходимостью, по-

сколькo человек в его историческом состоянии изначально исключен из окружающего мира, чужд ему. Константа его бытия – инакость миру. Содержанием его деятельности становится упорное трудовое преодоление этой чуждости, поиск ресурсов коммуникации с миром, обретение в мире родного Ты. Основопологающий факт в персоналистском обосновании культуры – это та простая данность, что культура создается исключительно человеком, призванным к бытию, и является способом его самоопределения перед исходными, задающими проблемность человеческого существования и определяющими его окончательный смысл фактами бытия. Самыми значительными такими фактами бытия на протяжении тысячелетий культурной истории человечества являются экзистенциальные состояния (вера, забота, страх, одиночество, смерть и т.п.) и деяния в ситуации ответа на вызов обстоятельств.

Существенный аспект антропологически ориентированного изучения истории культуры – представление о человеческом творчестве как культуророзидительном факторе. Важно при изучении культуры не столько то, что она представляет собой продукт объективных процессов развития, механизм «объективации», если употребить термин Н.А. Бердяева, не столько ее завершенная объективная целостность, принудительно регулирующая жизнь людей, сколько факт ее создания и признания человеком. Культура является плодом уникального творчества человека, человеческого участия в бытии. Это – автопортрет человека.

Таким образом, в культуре важно свободное целеполагание и смыслотворчество личности, порождающее все разнообразие личного и общественного духовного опыта и всю культурную практику, идеи, образы, мнения, представления, картину мира, культурное поведение и его плоды, артефакты. Культура в антропологическом аспекте строится снизу вверх, как свободная активность человека, взыскующего смысла, в разных мирах опыта: на религиозном, художественном, научном и прочих поприщах.

Экзистенциальное пространство культуры – область личной веры, суверенно-личного целеполагания *sub specie aeterni*, нероловой коммуникации Я–Ты. В этой области разворачивается смыслотворческая активность, дающая свои результаты в объектах и памятниках культуры.

Но остро индивидуальное, уникально-персональное в культуре сочетается с социально-типичным. В контексте изучения культуры уместно спросить: как соотносится в истории культуры общественное и личное?

Это происходит в деятельности личности, многоаспектно реализующей себя в культуре. Но происходит и на уровне разных общностей, очень часто строящих себя по образу личности, являющих собой некую составную, соборную личность.

Культуру двигает вперед личность, берущая на себя ношу ответственности за свою и общую судьбу (гений у Н.А. Бердяева). Обнаруживая себя в истории культуры, выдающаяся личность получает оценку и признание. В связи с фиксацией этой личностной основы историко-культурного процесса есть необходи-

мость выявить в образовательной деятельности в первую очередь тех персонажей истории культуры, которые сыграли в ней главные роли. История культуры должна явиться как история личностей, число которых может быть велико, но не безмерно.

Сосредоточимся далее в наших рассуждениях на русской культуре. Разговор о ней в образовательной деятельности важен потому, что по-прежнему характер культурной прописки современного человека чаще всего связан с той или иной культурно-национальной традицией. В образовательном процессе важна даже региональная компонента антропологически осознаваемой истории культуры. Этот разговор входит в образовательный процесс как местная, краеведная конкретизация общих культурологических штудий по истории культуры. Изучение местного культурного типа личности дает учащимся обильную пищу для рефлексии, активно влияет на их духовное становление.

Существенен тот ракурс освоения темы, который связан с изучением культурного опыта тех или иных исторических общностей. Культура общества складывается как совокупный плод культурной деятельности разных людей. Общество есть, по выражению Жака Маритена, «град человеческих личностей», в котором личное самопроектирование дополняется совокупной телеологической работой всей общности [10, с. 165]. При изучении культуры необходимо выявить и ведущий тип основного коллективного культурного деятеля в русской культуре, тип творца культуры. Всегда есть культурная страта, которая преимущественно ориентирована на творчество и определяет своими усилиями облик культуры, во всяком случае на ее вершинах. Это, по выражению Арнольда Тойнби, «творческое меньшинство», действующее по логике «Ухода-и-Возврата».

Тип ведущего культурного деятеля связан с характером доминирующего культурного проекта. В соответствии с этим законом основным культурным деятелем в России первоначально был монах и воин, а затем дворянин и интеллигент. В этот ряд иногда включают и русского крестьянина.

В образовательном процессе задачу репрезентации самобытного культурного опыта этих собираемых персонажей истории научились успешно решать.

Матричная репрезентация культурного типа в словесной культуре модерна, например, исходит из фиксации того, что дворянин играл основную роль в культуре XVIII – первой половины XIX вв. В XVIII веке дворянству была поручена важная роль европеизированного сословия. Дворянин стал двигателем перманентной культурной реформы в стране. В его жизни происходит сложное взаимодействие бытовых традиций родной старины и новых норм и правил. Во второй половине века эта задача приводится в связь с идеалом просвещенной монархии, определяющим обязанности каждого из сословий в гармонической модели общества, подчиненного требованиям разума и норме неперменного законодательства. Дворянин призван стать воплощением разума и совести страны, являть образец добросовестного служения общественной пользе.

На стадии же разрушения сословной культуры подобным образом представляется интеллигент как культурный деятель в XIX веке: он составил европеизированный городской слой, ориентированный на духовные интересы, чей миф синтезирует элементы модернизированного христианства (секуляризованная этика христианства, гностицистского характера мироотрицание, хилястический эсхатологизм), выраженные в идеологемах в основном утопического социализма. Интеллигент вызывал разное отношение к себе и в период исполнения своего поприща, и по его завершению (относительно последнего момента также мнения различны). Глубоко проблема этого культурного слоя была осмыслена в сборнике «Вехи», а затем и в сборниках «Из глубины», «Из-под глыб». Современный исследователь констатирует: «Интеллигенция, как правило, находилась в оппозиции власти и государству, но и по отношению к народу она на деле выполняла не столько освободительную, сколько репрессивную функцию, ибо делала его заложником революционных преобразований» [11, с. 285–286].

Сосредоточимся на не менее важном аспекте глубоко личностной репрезентации человека в русской культуре. Верно отмечено, что культуру создавали носители личностного сознания, осуществлявшие выбор ценностной ориентации; причем «личностное сознание никак не может быть связано с принадлежностью к тому или иному сословию» [9, с. 331].

Нужно прежде всего указать на сложность проблемы и предостеречь от олеографического ее решения, от избытка бесполезной и бессмысленной в наше время елейности в трактовке вопроса. Человек в культуре реализовал себя в конфронтациях и перекличках, во внутренних напряжениях, именно эта реализация представляет собой интереснейший аспект изучения в образовательном процессе. Посмотрим дальше на эту сложность.

В русской культуре есть представление о воплотившемся идеале русского человека, личности, раскрывающей русскую идею в своей жизни. Такой идеал – не просто сумма качеств, но состоявшаяся, историческая личность, являющая убедительное по своей полноте качество самореализации на высших путях духа. Высочайшие, признанные примеры личностной состоятельности дают богатую пищу для осмысления основных закономерностей русской культуры.

В исторической России, в религиозно-историософской традиции, в качестве духовной меры для определения идеальной, «образцовой» личности брался евангельский пример. Ф.М. Достоевский говорил о Христе как о единственной любви народа русского.

В этих координатах идеальным способом самореализации оказывался путь святости, то есть уподобления Христу, открывающего путь в вечность [4]. Характерное рассуждение есть у философа Владимира Эрна: «Единый жених русской души – Христос, и свидетели этого – святые, тайные кормчие русской истории» [16, с. 368]. Представление об идеале русского человека связывалось с наиболее известными и почитаемыми святыми, это евангельские герои (Богоматерь, апостолы), раннехристианские подвижники и герои домонгольской аскезы (Алексей Человек Божий, Феодосий Печерский, князя-страстотерпцы Бо-

рис и Глеб и др.), Сергей Радонежский, Серафим Саровский. Характеристическая доминанта русского святого, по определению историка церкви Иоанна Кологривова, – «простота, спокойствие, сердечная чистота и умеренность порождаемая внутренней уравновешенностью, светлая духовная трезвость, кротость, приветливое и глубокое смирение. К этому добавляется искренняя любовь к бедности, принципиальной и фактической, отрешенность от всех земных благ, отвращение от всего излишнего. Дух покаяния <...> Неисчерпаемое милосердие при всех отношениях с ближними, в особенности же с врагами» [6, с. 410–411].

Отметим, что в той же степени, что и финальная праведность, имеют значимость драматические перипетии, и особенно момент личного покаяния, отрешения от грешной жизни, замечательно акцентированный, например, в легенде о Кудеяре (см., напр., современный интернет-проект «Кудеярова пещера» [7]).

Но идеал русского человека определяется более разнообразно, мифологизируется и персонифицируется в широком диапазоне.

В XIX веке возникает представление об идеале русского человека в миру, вне опыта святости. Оно связывается в первую очередь с парадоксальной аскезой творчества. В этом контексте особое значение приобретают литературоцентризм русской культуры и связанное с ним по сию пору, в эпоху тотальных визуализаций и визуальных симуляций, непреходящее изучение литературы в школе. Литература становится не просто пространством, где оформляется национальный опыт в его наиболее зрелых проявлениях, но и продуктом героического подвижничества. Писатель входит в национальный пантеон как центральная фигура.

Такое представление на протяжении последних полутора веков связывалось с личностью Пушкина – поэта и человека, «величайшего русского гения», по определению Н.А. Бердяева, который размышлял о творчестве гения как о самоотречении от «мира», о такой «жертве собой», своим «обеспеченным спасением», которая, может быть, являет собою «иную святость перед Богом, иное религиозное делание, равнодостоинное канонической святости»: «Для божественных целей мира гениальность Пушкина так же нужна, как и святость Серафима <...> Гениальность – святость дерзновения, а не святость послушания» [1, с. 172–174].

По словам С.Н. Булгакова, в Пушкине явлено «самооткровение русского народа и русского гения» [2, с. 270]. В XX веке Пушкин в качестве идеального воплощения русского человека приобретает иногда в восприятии интерпретаторов качество специфической мирской святости. Он воспринимается и как «бесмертный классик, золотой монумент русской поэзии, образец гармонии и нерушимая норма эстетического совершенства». И как «озорной повеса, символ внешней раскрепощенности», непринужденности, отмены церемониальных зажимов [9, с. 101]. И как строгий стоик, учитель претерпевания невзгод, религиозный мыслитель и готовый к покаянию подвижник [12].

Жизнь и дело писателя мифологизируются, приобретая ту глубину и многозначность, которая харак-

терна для зрелых, смыслоемких мифов. Так, к концу XX века имя Пушкина (Пушкин-миф) становится уже нарицательным понятием и обиходной реальностью (например, дает имя журналу «пушкин», бессчетным улицам и площадям, ресторации в Москве и т.п.) – и в то же время подчас выводится за пределы идеализирующей персонификации, становится интимным рефлексом (например, в песне кабаре-бэнда «Серебряная свадьба» «Саша, Саша, погоди! / Саша, Саша, не ходи / На речку, на Черную речку...») или в стихотворении Литягина «пушкин наша душка»), поводом для игрового вышучивания и карнавального высмеивания. Это характерный культурный механизм, служащий вящему его утверждению в идеальном статусе. В разнообразии выражений теряется значимость; задача образовательной деятельности – ее вернуть.

В XX веке художники несут в русском культурном мифе бремя особой избранности, представляются воплощением идеального начала – как в собственно художественном творчестве, так и в жизни. Возникла мысль русский идеал личности видеть осуществившимся в Александре Блоке, вокруг которого складывается «зарезо легенд». Критик И.Б. Роднянская призвала согласиться с тем, что «Блок для нас равен Пушкину по жребию культурного рождения и национального призвания» [14]. Сложность и противоречивость поэта заставляли искать дополнительные основания для приобщения его к идеальному сонму русских героев. В статье «В защиту Блока» Н.А. Бердяев включает в характеристику идеальной личности неутолимое стремление к высшему бытию, преданность высшему смыслу бытия. Философ писал о поэте, что тот «также принадлежит вечной, преображенной России, России нового неба и новой земли, как Пушкин. Ее угоютвят не только святые, подвижники, очистившиеся, увидевшие Божественный свет, но и тосковавшие, мучавшиеся, прельщавшиеся и падавшие, но устремленные к высоте, к жизни, преображенной в красоте» [1; 2, с. 487].

Таким образом, идеальное качество личности мыслится уже не в категориях свершенности и завершенности, а в парадигме поиска, стремления к жизненному максимуму высшего рода. В таком случае в ряд русских гениев органично вписываются писатели разного склада, преданные, однако, некоей высшей цели, претерпевшие и перестрадавшие ради ее утверждения, от Александра Радищева до Варлама Шаламова и Юрия Домбровского [5].

Не столь прочна и более ситуативна культурная значимость других персонажей, даже при том, что некоторые из них имеют вес в истории и исторических представлениях. Оценка этих героев истории колебательна, в их присутствии в национальном пантеоне убеждены, как правило, далеко не все. Таковы некоторые правители страны. Здесь мы можем, пожалуй, констатировать, что не только воплощенность идеала в личности (в статике или в динамике), но и нечто иное заставляет пристально всматриваться в некоторые исторические фигуры. Мы отмечаем значительные личные противоречия, отражающие прежде всего противоречивость жизни в ту или иную эпоху, а также внутренние конфликты, сшибку намерений и результатов деятельности, масштаб ошибок и

даже масштаб злодеяний, контрастно противопоставляемых деяниям добра. Это конфликтно-контрастное видение исторической фигуры – трудная и редко до конца решаемая задача образовательного процесса.

В некоторых случаях речь может идти также об особенно наглядном выражении национальных качеств. В «Заметках о русском» Д.С. Лихачев размышлял о личностном идеале, соотнося его с литературными персонажами как выразителями оного: «Идеал ведь вряд ли был один, одинаковый у всех. Для одних, кто меньше задумывался над судьбами и особенностями великого народа, типичный образец всего русского – это ухарь купец Никитина, для других – Стенька Разин (не реальный Степан Разин, а Стенька Разин из известной песни Д.Н. Садовникова “Из-за острова на стрежень”), для третьих – это радищевский молодец из главы “София” его “Путешествия из Петербурга в Москву” и т.д.» [8, с. 54–55]. Характерное апологетически-критическое суждение о Сергее Есенине принадлежит литератору Вячеславу Пьещуху: «из всех поэтов России, надо думать, Есенин самый народный ее поэт, по части народности опередивший и Пушкина, и Некрасова, и Блока, в том смысле народный, что он наиболее живо отразил нашу вечную национальную наклонность к самоуничтожению, улетел русака разнузданностью и надрывом своей поэтики, возвел в лирическую степень его симпатии и привычки, однако радоваться этому не приходится, поскольку <...> народ наш, как известно, безобразник, мечтатель и пьяница» [13, с. 154].

Наконец, существенный нюанс добавляет суждение В. Эрн, он говорил, что величайшее напряжение духовной жизни в русской культуре существует потаенно: «И все, что идет по этой дороге – по пути подвига, очищения, жертвы, – дойдя до известного предела, вдруг скрывается с горизонта, пропадает в пространства, одевается молчанием и неизвестностью <...> В сердце зреет, растет святая Русь, населяется новыми насельниками, расцветает новыми цветами, пылает новыми пламенниками, а с виду ровно ничего как будто и не происходит. Таинство русской жизни творится в безмолвии» [16, с. 384–385].

Русская культура на своих вершинах часто не имеет доступной многим формы, не стремится к публичности, к широкой огласке. Здесь сложились практика уединения или подчеркнуто неамбициозного деяния и представление о незаметном идеальном герое, литературно выраженное в персонажах типа Маши Мироновой или капитана Тушина. Личность в русской культуре зачастую уходит в затвор, обрывая связи с социумом. Это создает специфические трудности при изучении истории культуры, требуя особой вдумчивости.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. / Н.А. Бердяев. – Москва: Искусство, 1994. – Т. 2. – 510 с.
2. Булгаков, С. Жребий Пушкина [Электронный ресурс] / С. Булгаков. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak18.htm>
3. Гачев, Г.Д. Национальный космо-психо-логос / Г.Д. Гачев // Вопросы философии. – 1994. – № 12. – С. 59–78.

4. Ермолин, Е.А. Символы русской культуры / Е.А. Ермолин. – Ярославль: ЯГПУ, 1996. – 115 с.
5. Ермолин, Е.А. Последние классики / Е.А. Ермолин. – Москва: Совпадение, 2016. – 119 с.
6. Иоанн, (Кологривов) (иеромонах). Очерки по истории русской святости / Иоанн (Кологривов) (иеромонах). – Сиракузы: Istina, 1991.
7. «Кудеярова пещера» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ogis.sgu.ru/ogis/club/kudeyar/index.html>
8. Лихачев, Д.С. Заметки о русском / Д.С. Лихачев. – Москва: Советская Россия, 1981. – 71 с.
9. Лурье, С.В. Историческая этнология / С.В. Лурье. – Москва: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
10. Маритен, Ж. Философ в мире / Ж. Маритен. – Москва: Высшая школа, 1994. – 192 с.
11. Марков, Б.В. Философская антропология. Очерки истории и теории. – Санкт-Петербург: Лань, 1997. – 342 с.
12. Непомнящий, В.С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина / В.С. Непомнящий. – Москва: Советский писатель, 1987. – 448 с.
13. Пьецух, В. Одна, но пламенная страсть / В. Пьецух // Дружба народов. –1998. – № 10. – С. 151–161.
14. Роднянская, И.Б. Движение литературы: в 2 т. [Электронный ресурс] / И.Б. Роднянская. – Т. I. – Режим доступа: <https://lit.wikireading.ru/40974>
15. Эпштейн, М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков / М.Н. Эпштейн. – Москва: Советский писатель, 1988. – 416 с.
16. Эрн, В.Ф. Сочинения / В.Ф. Эрн; вступ. ст. Ю. Шерер; сост. и подготовка текста Н.В. Котрелева, Е.В. Антоновой; примеч. В.И. Кейдана, Е.В. Антоновой. – Москва: Правда, 1991. – 576 с.

E.A. Yermolin

ANTHROPOLOGICAL ASPECTS OF HISTORICAL AND CULTURAL EDUCATIONAL PARADIGM

The author develops a personality approach in education as a methodological basis for personal-oriented pedagogy. The article defines the spiritual and creative reasons for the personal priorities in the study of the history of the Russian culture, and differentiates the aspects of the development of this theme in the context of «existential Cultural studies».

Russian culture, personalism, personality, cultural ideal, educational paradigm.